

Глава 4.

В четыре часа утра Хокутосей остановился на станции Аомори, где заменили ведущий электровоз ED79. Здесь впервые поменяли направление движения (когда ведущий вагон становится последним). А затем, около пяти часов утра, когда небо начало светлеть, поезд вошел в тоннель Сейкан.

Тоннель Сейкан — это огромный тоннель длиной в 53,85 километров, опускающийся до сотни метров ниже морского дна; пролегает под Сангарским проливом, соединяя Аомори и Хоккайдо. Ради функционирования синкансена, здесь выстроили еще один рельсовый путь, и теперь их было три. Все медленные поезда шли под двум другим. Иначе, синкансен не мог бы идти на полной скорости. Прохождение тоннеля занимало около сорока минут.

Не знаю, сколько именно раз я проезжал через него, но сегодня путь казался чрезвычайно долгим. Я думал, что стоило бы немного поспать, но из-за беспокойства о Коми, так и не смог заснуть.

Когда поезд вышел из тоннеля, внутрь ворвался свет утреннего солнца. Прищурившись, я увидел Хоккайдо. И параллельно идущий виадук принадлежал как раз синкансену острова.

На мой взгляд, после завершения строительства синкансена надо было бы отменить параллельные обычные линии, а затем продать частному сектору, чтобы ими управлял третий сектор, но поскольку работа линий оплачивалась из налогов, то подобный вариант совсем не рассматривали. Отчаянно защищали подобные линии именно местные власти, и когда им доказывали невыгодность маршрута, они отвечали: «Пускай вы и говорите, что линии невыгодны, но закрыть их только на словах легко». На том же Хоккайдо оставалось множество линий, ранее используемых для транспортировки угля, а теперь совсем заброшенных, но все равно не закрытых. Например, лежащая недалеко отсюда линия Мацумаэ, идущая от Мацумаэ до Киконая.

«Скоро должно быть Хакодате...»

Если есть трансляция, желающая спокойной ночи, то значит есть и утренняя.

— Доброе утро, уважаемые пассажиры. Сейчас 6:25 утра. Спальный экспресс-поезд «Хокутосей 3» идет по расписанию. Как и ранее, кондуктором является Ямада. Пункт нашего назначения — Саппоро. Следующая остановка запланирована в Хакодате в 6:34 утра.

Я позвонил Сакураи.

Когда она взяла трубку, тут же спросила:

— Преступники звонили?

— А, нет...

— И до куда они собираются ехать-то?

— Понятия не имею. Но, думаю, надо проверить, не спустятся ли они на станции Хакодате.

— ...Но это может спровоцировать преступников?

— Возможно. Но здесь сходят много людей, поэтому, если Коми выведут с поезда, смешавшись с толпой, то группа преступников разделится на две, и тем самым доставит нам куда больше проблем. Кроме того, в случае, если преступники увидят нас, наверняка что-нибудь предпримут, чем мы в свою очередь сможем воспользоваться.

Я кое-что понял из инцидента с угрозой теракта организацией RJ на Токийской станции. Нельзя лишь послушно выполнять требования преступников; надо вынудить их совершить некое действие, вызвать развитие ситуации.

Помолчав немного, Сакураи сказала:

— Хмм... Такаяма, а ты изменился?

— Думаешь?

— Так и есть.

В самом деле, в прошлом я ни за что бы не сказал следующие слова.

— Охрану Бернины поручим Иваидзуми, а я и ты спустимся на станцию.

— Принято. Кстати, ты поспал хоть немного?

— Нет, совсем. Но мне и спать не хочется.

— Верно, мне вот тоже, ни капли! — воскликнула Сакураи с энтузиазмом. — Мы на одной волне, ага?

— Т-типа того...

— Я обязательно их... пристрелю.

«А в этом мы как раз не на одной волне».

Я отключил телефон и вышел из комнаты.

В этот момент в коридоре как раз появилась Сакураи, и мы вместе направились к первому вагону. Из-за смены направления в Аомори первым вагоном стал последний и наоборот.

Станция Хакодате находилась у основания Y-образной колеи, отчего все платформы находились в тупике. «Хокутосей» вошел на станцию с головы, то есть с нынешнего первого вагона, а выход был единственным и располагался у вершины платформы. Таким образом, все пассажиры минуют первый вагон, а значит, и преступники.

Поезд тихо остановился, но от преступников не было никакого звонка.

Мы вышли на платформу перед первым вагоном. Из остальных вагонов также стали выходить пассажиры, неся за собой большие чемоданы. Сошло куда больше людей, чем я предполагал. Сбоку от меня послышался скрип: то отключили и отсоединили электровоз ED79, который тянул поезд через тоннель Сейкан.

Мы высматривали, не было ли у кого такой большой сумки, чтобы в нее могла поместиться девушка, или похожих на мужчин, которые напали на нас вчера. Сосредоточившись на этих деталях, я и Сакураи продолжали осматривать проходящих мимо людей.

Тем временем к концу поезда подвели тепловоз DF51, кузов которого был окрашен в красный цвет, а на боку красовалась белая падающая звезда. Дело в том, что после Хакодате вновь менялись направления, и последний вагон становился ведущим. Тепловозов было два. Кажется, что мощности хватит и одного DF51, но на Хоккайдо есть тенденция запаздывания поездов, поэтому ради запаса скорости в ограниченном экспрессе часто используются такие тяжеловесы. Кроме того, от Хакодате будут и не электрифицированные секции, в которых нет возможности использовать электричество, поэтому и используют тепловоз DF51, работающий на дизеле.

Послышалось дребезжание, и вскоре в воздухе почувствовался запах выхлопных газов. К тому моменту, когда завершили присоединение тепловоза, платформа опустела.

— Похоже, их нет, — сказала Сакураи.

— Может, они увидели нас и не стали спускаться?

— Эмм, думаешь, они поддались давлению?

— Если сравнивать с инцидентом на Токийской станции, то есть вопрос: разрушится ли план преступников, если они сойдут раньше? До куда они собираются ехать? Думаю, какая-нибудь реакция да должна быть.

Дин, дин, дин, — на обезлюдившей платформе раздался подобный быстрому звону колокола сигнал отбытия поезда.

Остановка на станции заняла примерно десять минут.

Мы забрались обратно в поезд. Несмотря на то, что автоматические пассажирские двери закрылись, мы могли даже в последний момент до отправки выйти через дверь для экипажа. Я наблюдал до закрытия самой последней двери, не слезет ли еще кто, но никто не вышел.

Хакодате мы миновали без происшествий, что сужало дальнейшие варианты. В Хакодате имелись и аэропорт, и морской порт, в общем, много путей для побега. Однако, отсюда до Саппоро, вплоть до Минами-Титосе, не было ни крупных городов, ни аэропортов, так что, даже сумев похитить Бернину, сбежать куда-либо должно быть трудно.

Теперь поезд бежал по территории Хоккайдо.

Мы собрались и ждали в комнате Бернины.

Мори — 7:26, Якумо — 8:05, Осяманбе — 8:29, Тоя — 8:59. Я выходил на каждой станции и искал взглядом преступников, но тщетно.

По левую сторону виднелась великолепная природа Хоккайдо, а по правую — тихая, словно зеркало, гладь залива Утиура. В обычное время я бы, завтракая, любовался этим видом из окон вагона-ресторана. Но сейчас я даже не вспомню, какая погода на улице.

Вскоре после отбытия из Тои со мной связались по телефону. Я включил динамик, чтобы все могли слышать разговор.

— Верно, трудно выходить на каждой станции, м?

— Это ради моего товарища!

— «Товарищ»... Ох, не хочется мне связываться с таким типом людей. Что ж, поведаю о способе обмена. Когда прибудем на станцию Датемонбецу, приведите принца к тепловозу. И поскольку мне хочется лишний раз драки, воздержитесь от присутствия того парня.

— Что это значит?

— Это значит, чтобы ты и большой братишка не приходили.

Какой бы не была сильной Сакураи, но противостоять двум профессионалам она вряд ли сможет. К тому же если еще и Бернину придется защищать.

— Эй, а не слишком ли условия обмена односторонние, в вашу пользу?

— Как и ожидалось, работники Компании такие тугодумы. Я тоже на работе. И поэтому просто хочу побыстрее ее завершить. Что ж, на этом все... Ведь времени до Датемонбецу не так много.

Преступник вновь бросил трубку. Да даже если бы я сам прекратил разговор, батарейка телефона, кажется, скоро совсем сядет.

«Ч-что же делать...» — мысленно сокрушался я. И в этот момент Сакураи нежно обхватила мою руку. «Ч-что ты делаешь?!!»

— Такаяма, все!.. ничего не поделаешь, вытащи его.

— Е-его?!!

Отчего-то слегка влажные глаза Сакураи смотрели в сторону. Я проследил за линией ее взгляда. Он указывал на алюминиевый кейс.

— Ну знаешь, Сакураи! И что ты собираешь делать, заполучив пистолет, а?!!

Она отбросила мою руку и вернулась в привычный вид.

— А когда его использовать, если не сейчас? Как я, слабая девушка, без пистолета смогу противостоять тем громилам? Помочь Харуке?

— Может ты и права, но кто знает, что случится, если ты пойдешь с пистолетом.

— Уж лучше, чем с пустыми руками.

— Пистолет — это тебе не гостинец, который покупаешь, возвращаясь в деревню.

Между мной и Сакураи влез Бернина.

— Все-таки дай мне самому пойти. Это проблемы моей страны. Харука здесь не при чем.

Сакураи ударила по кровати.

— Ну и что же нам делать?! Предлагаешь вот так молча передать Его Высочество преступникам?!

— Конечно, нет... — я приложил руку ко лбу и замолчал.

Положение наше было абсолютно безвыходным.

С одной стороны, если целью преступников были деньги, то на обмен еще можно было бы пойти, но если они хотят убить Бернину, то и Коми, скорее всего, ждет та же участь. Думаю, они не зайдут столь далеко, но никто не дает гарантии, что после обмена, они запросто не выкинут Бернину из идущего на полной скорости поезда. Затем, заставив машиниста сбросить скорость, сойти где-нибудь и скрыться. А мы даже не знаем, сколько их всего на борту.

И к ним должна идти только одна Сакураи... Я еще раз хорошо обдумал условия обмена. Получается, только женщина... Только женщина...

«О! А ведь из этого может что-то получиться!»

И вдруг мне в голову пришла одна идея.

— Бернина, можешь помочь мне кое в чем?

— Угу, конечно. Чем именно?

— Пройдем-ка сюда.

Я взял Бернину за руку и потащил в душевую.

Путь из Тои до Дате-момбецу занимал примерно десять минут. По мере приближения к станции «Хокутосей» замедлялся. Это была не такая уж и большая станция, да и располагалась близко к предыдущей, но она являлась узловой станцией с идущей отсюда линией Ибури до станции Куттян, располагающейся на Главной линии Хакодате.

Линия Ибури использовалась для транспортировки угля, однако из-за закрытия шахты население резко сократилось, и я слышал, что пассажиры здесь были только по утрам. Впрочем, даже нынче в течении часа можно было видеть более одного поезда, идущего по линии Ибури. Сейчас вот я заметил... выкрашенный в черный цвет дизельный локомотив DD53, с тянущимся позади составом серии КиНа 40.

После того, как я сообщил текущую ситуацию и свой план Ииде, я обратился к проводнику.

— Мы сейчас направляемся на обмен заложников к тепловозу, но вполне возможно, что он под их полным контролем. Но чтобы не спровоцировать преступников на радикальные действия, откройте стоп-кран только по моему сигналу.

— Но если не удастся связаться...

— Тогда я подам гудок.

— И, услышав его, я открываю стоп-кран и произвожу экстренное торможение.

— Рассчитываю на Вас.

— Вас понял, — ответил Танака с суровым видом.

Мы направились к ближайшему к локомотиву вагону. С Иваидзуми мы разделились на палубе вагона-электростанции.

— Только не переусердствуй, Иваидзуми, — обратился я к нему.

— Этого не обещаю, — ответил он с улыбкой.

— Понимаю. Хотя бы без ранений тогда.

— Заметано, замкомандира.

Я и Иваидзуми поклонились друг другу, и в этот момент меня по ударили по затылку.

— Вы что творите? Если преступники это видели, они могли бы раскусить наш замысел, —

сказала Сакураи с глазами, как у демона.

— Прости, — извинился я.

«Хокутосей» прибыл на станцию и раздался тихий скрип торможения.

— Идем!

Сакураи взяла за руку Бернину и покинула вагон. Следом пошел и я. Мы единственными спустились на пустую платформу.

Я, Бернина и Сакураи направились ко второму локомотиву.

DF51 имел выпуклую переднюю часть, но кабина машиниста находилась в широкой части. Перед был своего рода капотом, в котором содержались двигатель, тормоза и прочее, и к нему можно было пройти по дорожке, которая опоясывала локомотив; спереди и сзади имелись поручни. Также в кабине находилось по два приводных устройства, отчего локомотив мог свободно двигаться и вперед, и назад. Кроме того, эти локомотивы могли работать как в одиночку, так и в связке, а из кабины первого можно было управлять мощностями второго.

Грр, грр, грр, — двигатели звучали громко и угрожающе даже после остановки.

По ступенькам мы взобрались на площадку второго локомотива. Отсюда мы увидели две огромные фары локомотива DF51, а сзади — три окошечка вагона-электростанции.

Раздался свисток и поезд тронулся, лязгнула сцепка.

В этот момент широко раскрылась дверь кабины переднего локомотива и из нее вышел лысый мужчина.

— Ну-ка, спускайся! — он вытянул машиниста и скинул на платформу.

— Да как они смеют!..

Машинист кубарем покатился по платформе, а «Хокутосей» бежал мимо, набирая ход. Я резко обернулся и заметил, что, к счастью, машинист все-таки встал на ноги.

«Похоже, после такого падения обошлось без ран...»

Пшшш! Тук-тук-тук! — двигатели загудели и поезд резко ускорился.

— Ч-что вы творите!!! — закричала Сакураи, схватившись за передок локомотива. Все мы ухватились за перила.

Видимо, поезд в движение привел один из преступников. Под нами слышался скрежет колес. В один момент операция значительно усложнилась, ведь теперь в заложниках у преступников были триста пассажиров. Легко можно получить травму, если произойдет резкое торможение или старт, а если преступникам все равно на свою жизнь, то разогнанный выше положенных скоростей поезд мог вполне сойти с рельсов.

Лысый мужчина, который выбросил машиниста, был тем самым, с кем дрался Иваидзуми в вагоне-ресторане.

На мой телефон поступил звонок. Я включил динамик.

— Благодарю, что выполнили условие «только женщины». Ненавижу, когда КПД снижено.

Судя по тому, что лысый мужчина только ухмылялся, голос принадлежал другому, в солнцезащитных очках.

Но что важнее: он действительно думает, что здесь «только женщины»?

На мне была ярко-белая форма Бернины. Размер одежды немного отличался, но, в отличие от Иваидзуми, я был более тонкого телосложения; кроме того, форма была призвана скрыть, что Бернина являлась девушкой, отчего в области плеч имели большие наплечники, а рукава и штаны — свободный покрой, и мне удалось в них втиснуться. Фуражку я натянул так, чтобы нельзя было определить, блондин ли я или нет. Иными словами, я подменил Бернину.

Длина DF51 равнялась двадцати метрам. Кабина машиниста располагалась почти по центру, а значит сейчас между нами было метров тридцать. На таком расстоянии не так просто уловить все детали. Поэтому преступник, верно, считает, что я — это принц, а Сакураи и Бернина (также переодетая) — сотрудники Сил общественной безопасности.

Вообще я намеревался оставить Бернину в безопасном месте и действовать только с Сакураи, но она уперлась со словами, что «не может спокойно сидеть, зная, что вместо нее к преступникам, иду я» и в конце концов я согласился.

Бернина надела форму Коми, которая осталась в комнате. Может и не стоит сейчас об этом упоминать, но, кажется, что верхняя одежда для Бернины была весьма широкой в области груди.

Возможно, она ощущала вину за то, что похитили Коми. Все-таки воспитанная как одна из наследниц престола, Бернина привыкла отвечать за свои поступки.

— Будешь выставять женщин дурами, когда-нибудь пожалеешь.

«Зачем ты провоцируешь их, Сакураи...», — поскольку мне следовало молчать, я не мог ее остановить.

— Не выставяю я вас дурами. Просто говорю, что у женщин физические показатели куда ниже, чем у мужчин.

— Хм, проверим?

— Я действительно ненавижу вот так вечно орущих женщин. Воспитывали бы молча детей, а-то все говорят про социальное продвижение женщин, но реальной пользы от работы женщины в компании — ноль. Только и занимаются тем, что просто «рыбачат».

Выражение лица Сакураи стало резким.

— Слышь! Хочешь, чтоб я тебя пристрелила?!

«Эй! Не срывай переговоры!» — я пнул Сакураи по лодыжке.

— Ай! Ты что делаешь?!

Прикрывшись козырьком фуражки, я посмотрел ей прямо в глаза, всем видом крича: «Прекращай!».

— Поняла, — подчинилась Сакураи.

— Тогда можешь подвести сюда принца? — сказал мужчина.

Вот и настал этот момент.

«Сакураи, действуй согласно моим инструкциям!»

— Что ты еще несешь? Сначала отпусти Харуку.

Думаю, ничего принудительного в этих словах не было, но с другой стороны слышался вздох.

— Ну, и то верно. Что ж, ничего не поделаешь. Но чтобы никто не мог использовать какие-нибудь уловки, пускай оба идут к середине, где и поменяются местами.

— Верно. Так тоже неплохо.

— Только без выкрутасов. Иначе умрут все. Также, поскольку мы больше не нуждаемся в связи с вами и не желаем, чтобы нас позже обнаружили, могли бы вы выбросить телефоны?

— Да понимаю я, — Сакураи без лишних слов выбросила смартфон на обочину.

«Но телефон-то мой...», — заметил я про себя.

Преступник выкинул телефон Коми. Бернина показала свой смартфон и бросила в сторону.

Лысый мужчина вынул какой-то черный предмет из кармана. Им оказался угловатый пистолет черного цвета. Если сравнить с револьвером, который использовался в Силах общественной безопасности, пистолет выглядел игрушечным.

Чем вообще занимается полиция?! Полагаю, пистолет был у каждого из преступников. Впрочем, за последнее время произошло столько экстраординарного, так что я стал привыкать и ожидал нечто подобное.

Сакураи взглянула на меня с ухмылкой. О, что это за взгляд! В нем ясно читалось: «Раз преступник вытащил пистолет, ничего не поделаешь».

Глядя вперед, лысый стукнул по двери кабины машиниста, и наружу вышла Коми. Внутри кабины должен быть еще один соучастник, по крайней мере, преступников двое.

Выйдя на узкую площадку, Коми схватилась за трубу, закрепленную на стене. Вокруг блока с двигателем DF51 имелась дорожка для осмотра, но всего лишь тридцать сантиметров в ширину. И потому, что осмотр подразумевался в условиях покоя, поручней не было, а идти по такой дорожке в условиях постоянной качки представлялось очень опасным. Более того, рядом грозно рычал двигатель, подогревая страх. Причем эта дорожка у кабины переходила в еще более узкую полосу, где еле нога умещалась, поэтому передвигаться возможно было, только держась за трубу и медленными шажками. А ведь из-за высокой скорости поезда воздушные потоки так и норовили сбить с ног.

Коми, не блиставшая физической силой, казалась напуганной...

Лысый мужчина поднял руку и подал знак, а затем толкнул Коми в спину. Девушка пошатнулась и, вскрикнув, прижалась грудью к кузову. Лицо исказилось от боли.

— Вы... — с гневом прошипела Сакураи. Лысый поднял руки вверх и с выражением лица «Что ты мне сделаешь?» рассмеялся.

Держась за трубу, Коми тихо приближалась ко мне. Рубашка и юбка шелестели на ветру.

— Сакураи, рассчитываю на тебя, — сказал я шепотом.

— Доверься моим рукам, — также шепотом ответила она.

— Угу, верю.

Пиф! — звук отличался от нашего револьвера. Преступник выстрелил вверх, в небо. Затем помахал пистолетом и приказал «Давай живее».

Да понял я! Что ж, я пошел...

Собрав все мужество в кулак, я осторожно зашагал по дорожке.

Если преступники узнают, что я подменил Бернину, они непременно откроют огонь. Будь я, как Сакураи, которая намеренно шла в Железнодорожные силы общественной безопасности, дабы бороться со злом, и понимала, что может попасть под обстрел, но я поступил на программу ОЈТ, чтобы просто получить работу. Но не получить значительное ранение или быть застреленным... Поэтому я постоянно убеждал себя, иначе бы из-за страха я бы и шага не сделал.

Держась правой рукой за кузов, я медленно шел вперед по дорожке с левой стороны локомотива. Я заглянул в кабину второго локомотива, внутри которого, как и ожидалось, было пусто. Но кресло машиниста было испорченным то ли от выстрелов, то ли от ударов ножом.

Мимо проносился великолепный пейзаж Хоккайдо, но сердце мое трепетало. Если они догадаются... Но даже если и не догадываются, я должен идти вперед. Крепче натянув фуражку, я шел, смотря вниз, как подавленная девушка.

Коми тем временем растерянно стояла перед соединением первого и второго локомотивов. Поскольку сцепка все время раскачивалась из стороны в сторону, прыжок представлялся опасным. Так что для Коми прыжок с одного локомотива на другой был куда сложнее. К тому же они постоянно перемещались относительно друг друга. Чувствуя постоянную тряску, вскоре я и сам достиг сцепки.

Я осторожно приподнял фуражку до уровня, когда я мог видеть ноги преступника. «Черт, близко, слишком близко», — с такого расстояния он легко распознает, что я не Бернина. Коми стояла почти передо мной, на краю переднего локомотива. Мне хотелось просто вытянуть окончательно застывшую Коми на эту сторону, но понимал, что стоит сильнее раскрыться, вся правда раскроется. По всему телу тек пот.

— Коми, — не поднимая головы, тихо сказал я, — прыгай... Я обязательно поймаю тебя.

— Этот голос, — заметила Коми.

— Быстрее... Остальное уж как-нибудь решим.

Почти плачущая девушка кивнула.

Раздался выстрел и совсем близко треснуло стекло фары. Лысый мужчина яростнее помахал пистолетом, что значило «Поторапливайтесь!».

«Коми, быстрее!».

— Хей! — решившись, Коми перелетела меж двумя локомотивами.

Видимо, из-за резкого прыжка она подскользнулась и ее стало заносить в сторону. «Это опасно!» — воскликнул я про себя; еще чуть и она упадет прямо на железнодорожную линию. Ухватившись правой рукой за поручень, левой я обхватил талию девушки и резко потянул на себя. Коми прижалась к моей груди и что-то тихо прошептала.

Так, Коми спасена. Однако из-за столького резкого маневра фуражка с меня слетела и упала на рельсы. Теперь отчетливо виднелись мои черные волосы. Осознав, что его провели, мужчина с яростью взглянул на меня.

Раз нечего было скрывать, я громко крикнул:

— Коми! Что есть силы беги к Сакураи!

— Угу, — ответила она и побежала по узкой дорожке.

Я прикрывал ее как щит, но также отступал.

— Ах ты! — прошипел мужчина и навел пистолет. Между нами всего лишь десять метров. Профессионал уж точно попадет. «Меня пристрелят».

Но в этот момент прогремел выстрел, куда громкий, чем раньше. Преступник мгновенно понял, что у нас имелось оружие, и прижался к кузову локомотива, отыскивая, куда спрятаться. Рядом что-то лязгнуло. Следующая пуля свистнула почти у самых ног. Мужчина, осознавая опасность, быстро забрался в кабину.

— Поспешим! — крикнул я вслед Коми.

Воспользовавшись передышкой, мы ринулись по дрожащей дорожке. Путь занял бы всего лишь несколько секунд, но время казалось вечностью, так долго. Впереди я видел Сакураи, державшей обеими руками револьвер и зажмурившей один глаз. До нее... еще совсем немного. И Коми действительно успела добежать.

— Такаяма! Пригнись и беги!

— Ээ?! — да смогу ли я? Но ничего не подделаешь, я так и сделал. И, убедившись, что Коми скрылась позади, Сакураи выстрелила, хотя я еще бежал.

Где-то надо мной воздух завихрился. Пуля попала в дверь кабины машиниста, послышался треск и лязг металла. Пока преступники находились внутри, им ничего не грозило, но и выйти, когда Сакураи стреляла, они также не могли. Именно, она стреляла не на поражение, а чтобы дать время скрыться.

— Сакураи!!!

Но в самый момент, когда я уже был на месте, позади все-таки раздался выстрел. Пуля пролетела мимо моей головы и ударила в корпус локомотива. Я резко тормознул и полетел в объятия к распростершему руки Бернине.

— Такаяма! Ты в порядке?! — крикнула Сакураи.

— Хах, хах, — отдышался я и ответил: — Да, спасибо за беспокойство, вроде жив... — Впервые в жизни я бежал во время перестрелки.

— Никто о тебе не беспокоится, — хмыкнула Сакураи.

— Вижу...

— Наото! — отчаянным голосом спросил Бернина. — Ты цел?! Ради меня на такое.

— Бернина, — сказал я, словно успокаивал ребенка, — успокойся, мы еще не спасены. Не время печалиться.

— А, да, прости.

Я отстал от него и погладил по голове.

— Спасибо, Такаяма, — поднялась Коми.

— А, нельзя вставать! — только заметил я, как вскоре послышались выстрелы.

Но в этот момент с крыши вагона-электростанции на площадку впереди Коми приземлился кто-то крупный. В результате отдачи от удара пули, он повалилось назад, к нашему укрытию.

— Иваидзуми!!! — вскрикнула Коми, увидев лицо поверженного.

Этим крупным человеком оказался Иваидзуми. Посреди живота, куда угодила пуля, шел легкий дымок. Он выступил живым щитом. Я и Коми поволокли его в тень от капота. Нас преследовали искры и гулкие отзвуки, преступники стреляли поочередно. Одна из пуль угодила в машинное отделение, из него повалился дым.

Вообще согласно плану, Иваидзуми дожидался на крыше вагона-электростанции, чтобы не нарушить условие «только женщины». Воспользовавшись лестницей в районе сцепки вагонов, он забрался наверх, а при остановке в Дате-Момбецу должен был вмешаться, когда потребуется помощь...

Коми пригнулась к нему и заплакала.

— Иваидзуми! Иваидзуми! Не умирай! — Иваидзуми не реагировал. Капли слез Коми упали на грудь парня.

Сакураи ярко-алыми глазами взглянула на преступников и подняла револьвер. Поскольку у нас было ружье, те не могли приблизиться. Единственное, что им оставалось, стрелять с вытянутой руки, очередями.

— За что Иваидзуми должен умирать, — прошептала Коми и слабо ударила кулачком по неподвижному телу.

— Больно-то!

— Э?! — удивилась девушка, когда Иваидзуми раскрыл глаза и заговорил.

— Какой бы бронежилет не надел, а больно-то до жути! — воскликнул он и, приподнявшись, оперся на кузов локомотива.

— Иваидзуми, с тобой все в порядке? — с беспокойством спросила Коми.

— А, да. Он-то пуленепробиваемый, — сказал парень, расстегнув жилет.

— Какая радость! В самом деле... — радостно крикнула Коми и, закрыв лицо, снова заплакала.

— Разве ты пуленепробиваемый носил? — спросил я.

— Во время инцидента на Токийской станции, когда я дрался с вооруженным ножом, понял, что ничего не могу поделать против того, у которого оружие. Поэтому с вчерашнего дня я ношу пуленепробиваемый. Но, блин, это так больно, когда в тебя стреляют. Если бы не эта штукавина, — Иваидзуми вытащил итальянский молоток, который лежал в кармане поверх бронежилета, — наверняка бы получил перелом ребер. — Кажется, пуля угодила именно в молоток, поскольку рукоять из армированного пластика разлетелась вдребезги.

— М-да, не воспользоваться им теперь, — произнес он, смотря на остатки молотка.

— А ты не волнуйся, тоннель Сейкан мы уже миновали.

— И то верно, — улыбнулся Иваидзуми.

Вдруг снова раздалась очередь выстрелов. В общем, было не до долгих разговоров. Атаки со стороны преступников продолжались, и ситуация, кажется, становилась только хуже.

«Черт побери, да сколько же у них патронов?!»

— Давай патроны! — протянула руку Сакураи.

— А? — взглянул я на нее, не вполне понимая.

— Говорю, давай запасные!

— Да есть ли они?!

— Слушай, это ты мне приказывал, чтобы я стреляла так, чтобы преступников не убить!

— Япония — не та страна, в которой вот так стреляют в людей насмерть, а?!

Сакураи ткнула пальцем в сторону преступников и крикнула:

— Плохие парни, вон, строчат, как из пулемета, а мне с чего всего пять патронов?! Как прикажешь, с этим бороться?!

— А я что поделаю! Любому отряду общественной безопасности положено только пять патронов в день.

Говорили, что есть офицеры Железнодорожных сил общественной безопасности, которые ушли в запас, не совершив ни единого выстрела, так что пять выстрелов за день считался рекордом.

— Вот здесь, сейчас, — в этот раз Сакураи указала на себя, — отряду «Четверка» пяти патронов недостаточно.

— Да понял я тебя, — крикнул я в ответ. — Как вернемся, так и доложу Ииде, что с пятью патронами и сдохнуть можно.

— Вот и славно, — хмыкнула девушка. — Вот так и доложи. Это твое обещание.

— Да, конечно. Однако, для начала отсюда бы живыми уйти.

— Верно...

Та, та, та, — судя по коротким очередям стреляли из автоматического оружия. Каждый раз некоторые пули попадали в двигатель локомотива.

— Коми, сколько их было?

— Именно там двое: мужчина в солнцезащитных очках, на кресле машиниста, это он давал инструкции, и лысый.

— Э? Ты сказала «именно там»?

— Был еще один, но я слышала только голос; наверное, это он похитил меня.

— Вот как...

Очевидно, похищение прошло до того, как на нас напали в вагоне-ресторане, а значит, должен быть еще один.

— Мне бы вывести их в ближний бой, — сказал Иваидзуми, вытащив дубинку.

— Тут метров тридцать, — приложив руку к подбородку, размышляла Сакураи, — если на полной скорости, то пробежишь за шесть секунд. Однако за это время они весь магазин расстрелять успеют.

Не знаю точно, сколько там в магазине, но где-то больше пятнадцати патронов.

— Короче, буду бежать, в любом случае пристрелят, — удостоверился Иваидзуми.

— Ну, если бы удалось отвлечь внимание или дым развести, чтобы скрыть движение, в общем, какой-нибудь маневр.

Сакураи скрестила руки и крепко задумалась.

Была бы приманка, да отсюда и отступить некуда. Позади вагон-электростанция, а через него нельзя сбежать. Что же делать?

Приманка, дым. Но Железнодорожные силы общественной безопасности не армия, нет здесь ни дымовых завес, ни светозумовых гранат... Эх, было бы в поезде, что-нибудь выпускающее дым, вроде дымовой шашки... Дымовой шашки... «ах, да!».

— Так сигнальные ракеты есть!

Ты чем на курсах подготовки занимался?

Запомнил бы!

Коми говорила, как обычно, еле слышным голосом:

- Сигнальные ракеты, согласно 27-й статье приказа министерства, устанавливающего технические стандарты для железных дорог, являются частью оснащения поездов и используются, например, при аварийной остановки. При зажигании выделяются красное пламя и дым, что должно предупредить приближающийся поезд об опасности, так написано в учебнике.

Коми, которая помнила наизусть расписание движение поездов, видимо, выучила и содержание тех технических и юридических учебников, которые мы штудировали во время курсов.

- Слушай, а ты не помнишь, где находится сигнальная ракета в DF51?

- Секундочку... - девушка закрыла глаза и стала вспоминать.

- В руководстве по эксплуатации говорилось о какой-то трубе у верхней части кресла машиниста; там должен торчать красный шнур, который если дернуть, то из отверстия на крыше появятся пламя и дым.

- Это нам и нужно!

- Но, - вмешался Бернина, - это же еще надо до этого самого шнура добраться, а лезть сейчас в кабину...

- Да говорю же, надо будет прострелить торчащую часть сигнальной ракеты из пистолета! Тогда вырвавшегося дыма и пламени должно хватить, чтобы подобраться.

Та-та-та-та-та.

Все-таки интервал между атаками сокращался.

Если преступники догадаются, что у нас закончились патроны, они немедленно пойдут в атаку.

Сакураи нажала большим пальцем около рукоятки, вынула цилиндр и нажала на стержень. К ногам упали использованные гильзы.

- Однако... патронов больше не осталось.

Гильзы были теперь лишь пустыми трубками без пуль и пороха.

- Так хотя бы один про запас оставила! - я крикнул со злостью.

- Да если бы я в тот момент стала колебаться, тебя и Харуку бы пристрелили.

- Эх, еще бы один выстрел...

Сакураи взглянула с ухмылкой.

- Теперь понял, да? Сам попал в ситуацию «Эх, еще бы один выстрел».

- Ааа!!!

- Что? Сдаться решил?

Со стороны могло показаться, что я поднял руки вверх, как когда сдаются в плен, но в данный момент, чувствуя, мне бы прострелили руки.

Верно же, в тот момент...

Я приложил руку к нагрудному карману рубашки. В нем до сих пор лежала та пуля, которую я

отобрал у Сакураи утром и собирался отнести в отдел снаряжения.

Я подал пулю Сакураи.

- Используй это...

- Так это же утренняя, - удивленно взглянула Сакураи.

- Да, я забыл ее вернуть в отдел. Но сейчас у нас только один шанс.

Девушка энергично взмахнула рукой и защелкнула цилиндр. Затем осторожно подвела барабан в боевую позицию.

Я знал, что она превосходно стреляет, но только по неподвижным целям. Но в этот раз цель постоянно вибрировала, а целится приходилось через зазор в окне. Да и сейчас не обычная тренировка в стрельбе.

Бернина говорил, почти плача:

- Да это невозможно. Если вы все из-за меня погибнете...

- Бернина, - сказала Сакураи, когда остальные молчали, - мы — железнодорожные силы общественной безопасности, служим защите наших клиентов. Мы обязательно спасем тебя.

- Но есть только один выстрел, - отчаянно произнес принц.

- Достаточно и одного, - улыбнулась Сакураи.

Ах, какая была у нее уверенная улыбка! Видя ее, невольно начинаешь, что она-то сможет!

Каждый в «Четверке» посмотрел в глаза своему товарищу.

- Итак, наш план. Сакураи стреляет по сигнальной ракете, и пока кабину окутывает дым, Иваидзуми бежит по правой стороне и подавляет преступников. В этот раз можешь использовать любые средства.

- П-правда?!! - радостно воскликнул Иваидзуми, словно ребенок, готовящийся к драке.

Впрочем, мы и не на экскурсию собираемся.

- В данном случае те мужчины попадают под серьезные статьи: незаконное хранение оружия, препятствование службе общественной безопасности и движению поезда, угроза жизни, похищение человека и так далее. Сейчас же мы находимся в опасном положении и имеем законное право защищаться.

- Слушаюсь, замкомандира, - воздух разрезали две телескопические дубинки.

- Коми, ты охраняешь Бернину.

- Наото! И я! Я с вами!

- Прости, Бернина, но ты наш пассажир.

- А наша работа — защищать пассажиров, - с улыбкой произнесла Коми.

Впереди показалась станция Хигаси-Муроран.

При такой скорости, чувствую, остановки не будет.

- Слушай меня! «Четверка», в бой!

Все кивнули.

Поезд, который должен был остановиться, промчался мимо станции на скорости в 90 километров в час. Пассажиры, чья посадка происходила в Хигаси-Муроран, удивленно смотрели вслед пробежавшему мимо поезду.

Я осторожно выглянул и заметил, что преступник отвлекся на платформу.

- Сакураи, сейчас!

- И говорить не надо.

Подняв пистолет, Сакураи встала с левой стороны. В этот раз требовалось больше времени на прицеливание. Заметивший ее, лысый мужчина обернулся и навел пистолет.

- Уоооо! - тем временем по правой дорожке побежал Иваидзуми.

С позиции мужчины, где Сакураи не могла попасть по нему, несущийся Иваидзуми был куда большей опасностью, поэтому он переключил внимание на Иваидзуми. И в этот момент

раздался выстрел из револьвера 38-го калибра. Пуля пробила стекло и пробила трубу сигнальной ракеты. Послышался хлопок от взрыва. Мгновенно кабину заполнили красное сияние и белый дым. В нормальном случае сигнальная ракета испускала бы дым и пламя постепенно, но от выстрела она сразу же загорелась. Фигуры преступников скрылись в дымной завесе. Иваидзуми на полной скорости перепрыгнул сцепку.

Прошло около трех секунд. Первым из кабины выскочил, захлебываясь кашлем, лысый. Иваидзуми бросился к нему. Мужчина собирался выстрелить ему в колено, но Иваидзуми уже был рядом.

- А вот это не работает, - сказал он и на скорости, когда дубинку не различить взглядом, нанес удар по правому запястью так, что оно треснуло.

- Аааа! - истошно вскрикнул мужчина.

Иваидзуми махнул дубинкой и ткнул ею в живот преступника, словно выстрелил. Послышался только глухой удар.

- Знал, что на таком расстоянии огнестрельное оружие почти бесполезно, а? - сказал Иваидзуми. Мужчина молчал, не смея ничего сделать.

- Да кто вы вообще такие?! - крикнул мужчина в черных очках, находившийся по другую сторону; в руках он также держал пистолет.

- Четвертый отряд Токийской центральной железнодорожной службы общественной безопасности! «Четверка»! - сбоку раздался голос бежавшей Сакураи.

- «Четверка»?!! - обернулся он.

Звук бега резко перетек в звук удара ноги об лицо мужчины. Солнцезащитные очки в этот раз разлетелись, а подбородок принял неестественную форму, - тело мужчины с грохотом отлетело к кузову DF51. Ох, если бы Сакураи носила каблуки, мужчина бы точно умер...

- Да может ли мужчина проиграть женщине, - пробубнил тот и отключился.

Иваидзуми и Сакураи высоко подняли руки.

На их месте я бы, наверное, потерял равновесие и упал.

- Наконец-то, закончилось... - сказал я.

Бернина схватил мои руки и приложил к своему лицу:

- Спасибо, Наото. Ради меня подвергнуться такой опасности...

Я ощутил, что руки стали мокрыми от слез.

- Все хорошо, Бернина. Ведь мы - Железнодорожные силы общественной безопасности.

- Но все-таки, зачем?

- Чтобы устроиться на работу в Компанию.

- Э? - удивленно посмотрел Бернина.

Я смутился своей открытости и, почесав затылок, исправился:

- На курсах наш инструктор сказала, что если пассажир подвергается опасности, то ты должен сражаться с тем, что причиняет эту опасность, кем или чем это ни было...

- Странный ты, Наото.

- Думаешь?

- По крайней мере, я не встречал таких людей в моей стране.

Бернина засмеялся, а за ним следом и я.

<http://tl.rulate.ru/book/18008/1027581>